

Евгений Захаров

Доктор Хаос

Евгений Захаров

Доктор Хаос

«Издательские решения»

Захаров Е.

Доктор Хаос / Е. Захаров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938171-2

Город потрясен серией кровавых преступлений. Люди вздохнули с облегчением, когда убийца по прозвищу «Доктор Хаос», был наконец-то пойман. Но по нелепой случайности маньяк вырывается на свободу. Вооруженный невероятной силой экспериментальных лекарств, которыми его пытались излечить от агрессии, Хаос планирует устроить резню в торговом центре. По следу Хаоса идет задержавший его ранее оперативник Костян. Удастся ли ему остановить жуткие планы Доктора?

ISBN 978-5-44-938171-2

© Захаров Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Доктор Хаос

Евгений Захаров

© Евгений Захаров, 2018

ISBN 978-5-4493-8171-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Жорик осторожно выглянул из-за угла и, прищурившись, всмотрелся в темноту. Примерно так стоматолог искательно глядит в оскаленный рот пациента в надежде увидеть там кариозных монстров. Или без надежды, тут уже все зависит от платежеспособности клиента. В ушах, плотно оккупированных наушниками, тихо и проникновенно звучал голос Саши Васильева, сообщавшего, что бог устал его любить. Жорик искренне сочувствовал певцу. Уж его-то самого бог любил. Определенно.

Темнота была – хоть глаз выколи. Не романтическая темнота, та, что друг молодежи, а абсолютная, что называется, кромешная. Ни один фонарь не оскорблял ее своим дерзким светом. В общем, именно та темнота, которую обычно выбирают для своих нехороших дел нехорошие люди. Жорик был как раз одним из таких. Хотя сам он считал себя вполне даже хорошим, единственным и неповторимым, равному которому не найдется во всем городе, да, пожалуй, что и в стране. Насчет мира, впрочем, были определенные сомнения, но Жорик так глубоко не копал. Он видел себя далеко не так, как описывали его многочисленные сводки, а именно – зловещим маньяком, орудующим при помощи всевозможных подручных средств, не оставляющим ни улики, ни свидетелей. Нет, Жорик мнил себя супергероем, подобно тем, что показывают в голливудских блокбастерах. Он очищал мир от скверны.

К примеру, от пьяниц, которые не могут ночью найти дорогу домой. Этим он убивал осколками от водочных или пивных бутылок, которые заботливо носил с собой в специальном мешочке. Перед взрезыванием шеи очередного алкаша он обычно толкал пафосную речь о вреде пьянства, от которой, впрочем, выпивохе было ни горячо, ни холодно. А потом резко втыкал осколок в горло и рвал руку на себя, оставляя несчастного захлебываться о собственной крови.

Или от проституток. Этим Жорик долго и старательно выслеживал. В нынешней ситуации, когда у каждой шалавы непременно есть свой, если можно так выразиться, официальный представитель, было весьма трудно выцепить тех, что работали «без прикрытия». Но и это у Жорика получалось, поскольку шлюх он приговорил больше десятка. Этим он сначала вырубал неожиданным ударом, возникая из темноты, как ангел смерти, а затем душил их собственными чулками или, если таковых не наблюдалось, лямками от лифчиков. Душил старательно, пока пятки жертв не переставали выбивать чечетку смерти на асфальте. Речь в этом случае он произносил уже после убийства – шлюхи могли позвать на помощь.

Еще одна категория населения, которую Жорик считал напрасно портящими воздух и поэтому подлежащими безжалостной очистке – сотрудники банков, занимающиеся кредитами. Пиявки, сосущие кровь трудового народа, ибо нетрудовой народ кредиты не берет, им и так денег хватает. Еще в бытность свою обычным студентом он и его приятели немало стланивались с этими гадами, которые выносили весь мозг звонками и эсэмэсками напоминающего характера. О, с такими он расправлялся безжалостно и весьма оригинальным способом! Обездвижив, затаскивал в темное место и забивал глотку кредиторов распечатками кредитных договоров. Отрадно было наблюдать за вытаращенными глазами мальчиков и девочек, некогда холеных, в костюмчиках с галстучками, презрительно смотрящими на тебя из-за оформительских столов и выясняющих о тебе всю подноготную, зная, что в их руках сейчас твое счастье и безбедное на какой-то период будущее. А теперь они возят ногами в отутюженных брючках и начищенных туфлях по грязной земле, тщетно пытаясь уловить хоть капельку воздуха через скомканную бумажную массу.

Наконец, от наглых менеджеров супермаркетов, которые общаются с тобой через губу, как будто ты не принес им денег, а наоборот, пытаешься отнять. Как же, ты помешал ему пить кофе, общаться с симпатичными кассиршами и всячески убивать время до очередной

зарплаты! Вот и наслаждайся теперь компанией мертвецов. Магазиновых яппи Жорик замуровывал заживо в импровизированных склепах, куда он стаскивал тела своих прочих жертв: в старых колодцах, заброшенных сараюшках, неработающих трансформаторных будках, коих за городом туева куча. Естественно, ни еды, ни воды в таких закромах Родины не намечалось, поэтому Жорик, изредка посещавший на места боевой славы, наблюдал премилую картину издохшего менеджера в компании чуть объеденного с краешков крысами банковского работника, или скелета алкаша, убитого двумя месяцами ранее.

Перед тем, как начать свою производственную деятельность ангела-истребителя, он тщательно подготовился, пересмотрев массу фильмов и сериалов на данную тему. А их, слава режиссерам, немало. И каждый образчик мировой поп-культуры можно считать руководством к действию, неким мануалом для подобной работы. Поэтому никаких свидетелей, только ночью, перчатки, фонарик и хлороформ в помощь. И кроме этого – масса мелких нюансов, позволяющая оставаться безнаказанным долгое время (чем черт не шутит, может, и всегда). Хотя о том, что за ним ведется охота со стороны родной полиции, Жорик прекрасно знал. Более того, он же и провоцировал тупых легавых на эти поиски. Это первых своих жертв он старательно прятал, закапывал, фактически хоронил, хотя они и не были этого достойны. А однажды решил – почему, собственно, он должен скрывать свою деятельность от людей? Страна должна знать своих героев. Ну, или, по крайней мере, должна видеть плоды его трудов и сделать соответствующие выводы. Поэтому пару лет назад он начал вырезать небольшие красные кресты на лбах мусорных мешков, от коих он избавлял город. Работал Жорик санитаром на местной «скорой», но себя в своей иной деятельности санитаром отнюдь не считал. Он мнил себя как минимум главврачом своего города. Судя по обилию статей в прессе, посвященных его персоне, элитным. Особенно ему польстил один заголовок, как нельзя больше соответствовавший его внутреннему самопозиционированию. Одна из местных газет, блистая «креатиффом», назвала его «Доктор Хаос», максимально близко, хотя и чисто случайно подобравшись к его истинной профессии.

За эту статью, впрочем, зацепился не только Жорик. Кто-то из местных полицейских тоже обратил внимание на заголовок и решил проверить на всякий случай весь медперсонал в больницах. На этот счет Жорик мог быть спокоен – ни одна ночь, в которую он трудился на благо родного города, не была оставлена без прикрытия со стороны благодарных коллег, которым он зачастую помогал внеочередными сменами.

И все же своим принципам он не изменял. Сегодняшняя ночь была на редкость темной, жертву он выбрал заранее, никто и ничто не должны были ему помешать в очередной зачистке.

Так он полагал.

Жорик угрем скользил вдоль стены дома, не отрывая взгляда от подъезда. Он выследил эту продажную стерву уже давно. Зовут Лида, представляется Жанной, рост метр девяносто два, сиськи сделанные, губы тоже. Работает сама, без бдительного сутенера. Выдает себя за пикапершу, снимает клиентов на тусовках, едет с ними домой, а потом, получив «зарплату», домой на такси. Но в этот раз клиент жил буквально в двух кварталах от ее дома, поэтому Жорик не сомневался, что домой она пойдет пешком.

Так и случилось. Не успела Земфира в наушниках Жорика закончить пассаж: «И я застыну, выпрямлю спину, кепки надвину, и добрый вече-ер!», как дверь подъезда отворилась, из нее выскользнула высокая длинноногая фигурка и торопливо зацокала каблучками в сторону своего дома.

Жорик ринулся за ней, предварительно выключив плеер и заправив наушники за ворот. Бежал он тихо, не производя практически никакого шума, легко отталкиваясь от асфальта мягкими теннисными мокасинами. Вот он уже рядом со шлюхой. Осталось протянуть руку с заботливо смоченным хлороформом платком, чтобы...

– Ах, с-с-су..!

Никак не ожидавшая этого лягушка-путешественница, которой стукнуло в голову именно сейчас размять лапы и прогуляться по теплому асфальту, подвернулась под ногу бегущему Жорик. Поскользнувшись, он полетел вперед, толкнув обернувшуюся на крик шлюху. Естественно, та заорала на всю улицу:

– Помогите!

Крик заметался по темным улицам, и на тебе! Получил ответ. Вспыхнули фары, ослепив и кричавшую проститутку, и Жорика, который, скрежеща зубами, катался на земле, поджав к груди огнем горевшую вывихнутую левую ногу и обняв ее обеими руками.

– Полиция! – раздался голос из динамика. – Девушка, что с вами?

Жорик перевернулся на живот и попытался ползти, но боль в ноге, которой он задел за бордюр, заорала еще громче, чем он.

– Вот этот вот! Бежал за мной! – послышался торопливый, взвизгивающий голосок. – Наверное, ограбить хотел! А то и еще чего!

– Разберемся, – мощная рука ухватила за плечо Жорика. – Уважаемый, пройдемся?

– Я не могу идти, придурок! – прошипел Жорик в ответ.

– О-о-о, а че это тут воняет так?

Жорик увидел, как присевший на корточки мужик поднимает двумя пальцами с земли белеющий платок.

– Слышь, братан, – обратился к нему полицейский. – А это не ты ли тут у нас девчонок душишь?

Держащий Жорика заботливо снял с его плеч рюкзак. Жикнула молния.

– Опа, Костян, готовься к премии. Кажись, он. Тут много чего, полный набор!

Жорик рванулся, вырвал плечо из карающей руки закона, вскочил на ноги, но предательница левая шаловливо повела его в сторону. Доктор Хаос беспомощно свалился на траву.

– Принимаем, – услышал он за спиной. – Девушка, вы с нами, свидетельницей будете. Михалыч, садись. И ты, гражданин маньяк, присаживайся. Тебе теперь долго сидеть-то придется, можешь приступать к тренировкам.

– Пока едем, может, погоны снять? Успею дырочку новую сделать, для звездочки-то, – услышал Жорик последнее перед тем, как дверца машины захлопнулась, отрезая его от внешнего, такого неустроенного и неочищенного мира, нуждающегося в его услугах. Кто теперь будет его лечить? Вот скажите, кто?..

Глава 2

Костян, а вернее, Константин Михалыч Боровицкий, сотрудник убойного отдела сорока двух лет от роду, плотный, улыбчивый обычно шатен с непослушно торчащим чубом, мрачно смотрел на парня, привалившегося спиной к стенке и, казалось, дремлющего. Нет, до чего спокоен, гнида! Такое ощущение, будто пришел с трудной работы и мирно отдыхает. Пахал на токарном станке, выполняя дневную норму, или отчитал десять лекций студентам, которые по большей части занимались своими делами и не внимали мудрости веков. Нет, падла чуть не удавила очередную девчонку – и сидит себе, как ни в чем не бывало! Еще и музычку слушает! Меломан, бля.

Опер, прищурившись, смотрел на безучастно сидевшего с закрытыми глазами парня, медленно кивавшего в такт неслышной полицейским музыки. Особо примечательного в нем не было ничего. Симпатичный, да. Аккуратная прическа. Без особых примет, ни тебе родинок, ни татуировок, по крайней мере, на видимых глазу местах. Ростом примерно со Степаныча, значит, около метра восьмидесяти. Одет прилично, небогато, но и не в рванине: джинсы, футболка, наброшенная на плечи спортивная куртка, легкие туфли. Завтра пройдет мимо меня, подумал Костян, ни за что не догадался бы, какие демоны сидят у него внутри...

Сколько они охотились за этой тварью? Не один год, по крайней мере Костян знал это на своей шкуре. Хаос был их со Степанычем личным проклятием, потому что именно они вели его дело. С того времени, как был найден первый труп с вырезанным крестом на лбу. В конце каждого месяца долбанных бесплодных поисков опера выгребали от начальства по самое не могу. Патрулировали улицы. Успокаивали родственников пропавших мальчишек и девчонок, или, наоборот, сообщали им ужасные новости. А при обнаружении очередного трупа у Костяна разве что глаз не начинал дергаться. Вот, к примеру, когда они нашли Ольгу Шалашкину, ему пришлось даже нюхать нашатырь – ему, выдавшему виды оперативнику! Да и сейчас, как вспомнит это вздутое лицо, выпученные глаза, как у героя Шварценеггера из старого фантастического фильма, разведенные и скрюченные ноги, изрытую ими землю, и засохшее содержимое желудка Ольги, заляпавшее ее длинную зеленую юбку... Чем бы при жизни она ни занималась, Костян не мог ее осуждать – каждый зарабатывает деньги, как может. Что ж сделать, если бог не наградил ни умом, ни руками, но зато не обделил длиной ног и способностью как можно широко эти самые ноги расставлять? Не заслуживала она такой смерти. Да и никто из остальных, в общем-то, не заслуживал.

– Костя-ян, брата-ан! – протянул из-за своего стола Степаныч, которого тот в шутку иногда называл «пожизненным напарником». – Слышь, тут нам перец какой-то пишет.

– Что за перец?

– Доктор Си-ло-вайский, – прочел с экрана ноутбука Степаныч, шевеля усами. – Ему уже рассказали о задержании подозреваемого, и он просит куда его не переводить. Говорит, у него есть соответствующая бумага.

– Что за доктор Айболит? – задумался вслух Костян.

– А я, кажись, знаю, – помрачнел Степаныч. – Помню его по одному делу. Помнишь, когда мы задержали дебила, который битой по окнам кафешек хреначил?

– Было дело, – кивнул Костян. – сколько он побил-то? Штук пять?

– Типа того. Так этот самый Силовайский нашего черта к себе в клинику забрал.

– Для опытов? – ухмыльнулся Костян.

– Именно, что ржешь? Сказал, мол, у него есть специальный курс для таких, как он. Вроде как переучивает их, как-то так.

– Погодь, это что получается? Этого мудака сейчас заберут в дурку? Невменяемым признают?

– Типа того, – кивнул Степаныч. – У нас же так маньяков любят – чуть что, он не виноват, это все воспитание, гены, общество и плохие условия проживания!

– Неплохо так то, – побагровел от злости Костян. – Сидит такой урод в уютной палате, попивает молочко с булочкой и прекрасно себя чувствует!

Он вскочил, схватил гада за плечо, тряхнул как следует. Глаза того открылись, не обнаружив ни малейшего признака замутненности, присущей дремлющим людям. Небесно-голубые были глаза, до прозрачности. Внимательные. Считывающие информацию. Как две камеры.

– Секунду, – вежливо сказал убийца и вытащил наушники, из которых лилось философское «Ведь мы живем для того, чтобы завтра сдохнуть, най-на-на» группы «Крематорий». – Вы, господа, не переживайте. Я все признаю. Каждую жертву. Свою награду вы получите, сто процентов. Дырочки уже провертели в погонах-то? А, Костян?

И он подмигнул. В следующее мгновение его голова мотнулась назад, он ударился затылком об стену и зажмурился, слегка улыбнувшись при этом.

– Стой, придурок жизни! – Степаныч, выскочив из-за стола, вцепился в товарища, который уже замахивался для следующего удара. – Щас этот психопат приедет, тебе проблемы нужны?

– Не психопат, а психиатр, – пыхтел Костян, вырываясь. – Психопат – это вот этот вот мудила.

– Не мудила, – в тон ему ответил задержанный, – а Георгий Георгиевич Краснов. Для вас просто Жорик. Меня все так зовут. Приятно познакомиться.

– Георгий Георгиевич, – постепенно успокаиваясь, выдохнул Костян. – Ты девчонкам так же представлялся, перед тем, как их...

– Ну что вы, – склонил голову Жорик. – Это только в глупых боевиках убийца выбалтывает жертвам все подробности своей личной жизни и ближайших планов перед тем, как их прикончить. Чтобы потом, когда жертва освободится, она бы смогла сдать его со всеми потрохами. На самом деле так не бывает. Никому их них я не говорил, как меня зовут. А если бы и сказал, впрочем, – он почесал щеку, – это бы мне особо не повредило. Свидетелей я не оставлял.

– Знаешь, Жорик, что меня интересует больше всего? – задумчиво сказал Степаныч, отгеснив Костяна в угол. – Че ж ты такой спокойный-то? Не отпираешься, не просишь адвоката, не тянешь время? Сразу все признал. Облегчаешь нам работу?

– Не люблю неопределенности, – пожал плечами Жорик. – Взяли так взяли. Мне стыдиться нечего. Скрывать тоже. Я считаю себя абсолютно правым. Я наказывал зло.

– Ты же сам – зло! – заорал Костян, предусмотрительно удерживаемый прозорливым Степанычем. – Неприкрытое! Убивать людей – это правильно?

– Ну, вы же тоже убиваете людей, считая, что наказываете зло? – уточнил Жорик. – Говоря «вы», я имею в виду всю судебную систему, неотъемлемой частью которой вы, без сомнения, считаетесь.

– Это закон определяет, кто виноват! – заметил Степаныч.

– А у меня свой закон, – попытался развести скованными руками Жорик. – Чем он хуже вашего? Я такой же случайный человек, как и любой судья, со своими правдами и неправдами. Ну да, я не учился на юриста, не получал соответствующего образования, не овладевал нужными предметами, которые преподают, заметьте, такие же случайные люди. Следовательно, то обстоятельство, что у меня нет бумажки, подтверждающей мое право вершить правосудие, не дает мне его совершать?

– Они – представители закона! – отрезал Костян. – А у тебя свой закон.

– Да, – деланно понурился Жорик. – У меня свой закон. Закон правды.

– Хорошо, вот возьмем эту девушку, которую ты сегодня пытался...

– Покарать, – вставил Жорик.

– Ладно, покарать. За что?

– Она была проституткой.

– И? Она кого-то убила? Обокрала? Какое преступление она совершила, чтобы ее следовало убить? Или у тебя никогда не хватало денег на таких красоток? Слушай, а может, у тебя просто-напросто не стоит? Вот и девушки-то, небось, никогда не было?

– Была, – равнодушно сказал Жорик. – Я ее убил. Без сожаления. Каждый должен нести ответ за свои действия. Если бы все осознавали, что за душевные раны могут легко получить раны физические, думаю, жизнь стала бы чище.

– Так а эта, сегодняшняя? Она же была не замужем, кому она в этом случае изменила?

– Виноват, вы сию минуту хотите открыть дискуссию? – процитировал Жорик профессора Преображенского. – У меня нога болит. Я устал. Можно у вас тут прилечь?

– Я вот тебе прилягу, – погрозил кулаком Костян. – Степаныч, ты же видишь, что ему нечего сказать! Он просто убивал всех подряд. Обычный маньяк.

– Вот вколет тебе Силовайский какую-нибудь хрень, будешь до конца жизни сидеть и слюни пускать, – поддакнул Степаныч.

– Профессор Силовайский? – встрепенулся Жорик. – Да ладно? Мной будет заниматься этот доктор Моро?

– Кто? – озадаченно спросил Костян.

– Товарищи, я не согласен! – Жорик загремел наручниками. – Этот экспериментатор проводит опыты над людьми! Я читал обо всех его псевдонаучных играх. Можно мне просто пожизненное? Я все признаю, на все места отведу, только не отдавайте меня Силовайскому!

– Опа, – подмигнул Костян. – Степаныч, понял, да? Может, проф не такой уж безнадежный, если его даже маньяки боятся?

– Да щас, – фыркнул Степаныч. – Это типа терновый куст.

– Чего?

– Мы с дочкой читаем сейчас сказки дядюшки Римуса. Там братец Кролик, которого поймал братец Лис, долго просил не бросать его в терновый куст. Типа, лучше ешь меня, делай, что хочешь, только не бросай. А как только Лис повелся и бросил, Кролик и свалил. Тут та же хрень.

– Начитанный, – усмехнулся Жорик. – Куст так куст. Да ладно вам. Дурка интереснее. Сбежать опять же проще. Судя по тому, что наш Моро так во мне заинтересован, у меня есть неплохой шанс. Давайте дождемся..

Глава 3

Чего хотел дожидаться убийца, стало ясным через мгновение. Дверь кабинета открылась, и вошел невысокий пожилой мужчина в отменно сидящем и, наверняка, страшно дорогом костюме. За ним ввалились два типа, которые, переступив порог, замерли – точь-в-точь два волкодава, ожидающих команды.

– Константин, Алексей, я вас приветствую, – сказал мужчина мягким бархатистым голосом и снял шляпу, обнажив совершенно седую, без единого темного волоска, голову. – Профессор Силовайский, к вашим услугам. Это, как я понимаю, задержанный?

– Он же обвиняемый, – хмуро сказал Костян. – Он же уже фактически признавшийся в убийствах. Георгий Краснов, прошу любить и жаловать.

– Господа, я забираю его, – в ответ на протестующе раскрывшего рот Степаныча, из портфеля мужчины на свет появилась некая бумага. – У меня есть ордер. Ваш начальник, Николай Павлович, уже дал мне добро. Проверьте электронную почту, письмо с соответствующим распоряжением уже должно быть у вас в ящике. Мы перевозим досточтимого Георгия Георгиевича в наше отделение психологической экспертизы.

– А теперь и такое есть?

– Есть.

– Но пока вина не доказана...

– Как же не доказана? Именно доказана. Господа, вы же сами сказали – он во всем признался. Вы же признались? – профессор внимательно посмотрел на Жорика, который пожал плечами.

– Поверьте, в ваших интересах подтвердить это сразу и при свидетелях, – мягко сказал Силовайский. – Да, мы потеряем время, но в конечном итоге Георгий Георгиевич все равно попадет ко мне. А я не люблю терять время. И каждую упущенную минуту, господа, я буду вынужден записать на ваш счет.

– Он мне угрожает, – наигранно сказал Жорик оперативникам. – Ай-я-яй, не отдавайте меня ему, и все такое.

– Никоим образом, – профессор искоса посмотрел на Костяна. – Я разве угрожал?

– Вы не угрожали, Василь Василич, – басом сказал один из подручных профессора.

– Холуям слова не давали! – заметил Жорик. – Да в чем проблема, я их всех убил, хоть письменно вам дам показания, хоть песню спою, хоть станцюю. В каком виде вам показания нужны?

– Любезные мои, вот как мы поступим, – Силовайский скрестил пальцы. – Я оставляю вам эту бумагу, и в ближайшее время вы получите подробнейшим образом составленное признание Георгия Георгиевича со всеми необходимыми подписями и печатями, включая аудио- и видеозапись. Дальше мои проблемы.

– А ему разве не нужен адвокат? – спросил Степаныч.

– Адвокат будет присутствовать при признании, – ответил профессор. – И я вам обещаю, что если будет нарушена хотя бы одна формальность, или же будет присутствовать хотя бы намек на возможную ошибку в отношении подозреваемого, вы его тут же получите назад.

– А я специально ошибусь! – дерзко сказал Жорик. – Мне у вас в лечебнице сидеть нет резона. Я лучше в отдельной камере всю жизнь проведу. Не отдавайте меня ему, дяденьки милиционеры!

– Позвольте, а что вам может у нас не понравиться? – удивленно сказал Силовайский. – У нас все очень цивилизованно. Удобные палаты. Кормят лучше, чем в тюрьме. Все условия для проживания, даже пожизненного.

– Может, еще и кабельное с интернетом? – издевательски спросил Костян. – У вас прямо курорт, а не психушка.

– Позвольте, – снова удивился профессор, – а кто здесь говорит о психушке? У нас специальное лечебное учреждение, в котором мы изучаем поведение таких особей, как Георгий, чтобы понять, что ими движет, и как мы можем это изменить...

– Ага, и сделать из них полноценных членов общества?

– Нет, боюсь, из таких, как он, может не получится. Но мы можем предотвратить появление новых Георгиев Георгиевичей, внедряя результаты наших исследований в институты образования и воспитания, равно как и в медицинские учреждения. Убедительно?

– Ну, раз так, – Степаныч развел руками и подал профессору ключ от наручников. – Костян, что думаешь?

– Пусть забирают, – вздохнул тот. – Доктор, вы поосторожнее с ним. От таких, с виду тихеньких, всего можно ожидать. Особенно если учесть, сколько народу он порешил. Хотя бы оставили нам его до утра. Мы бы с ним культурно пообщались, подготовили бы.

– Позвольте с вами не согласиться, – заметил Силовайский, наблюдая за тем, как с Жорика снимают наручники. – Знаю я, как вы общаетесь с задержанными, господа. Вон как голову ему рассадили.

– Это он сам, – ненатурально соврал Костян.

– Сам, сам, – кивнул Жорик. – Люблю, знаете ли, на досуге головой обо что-нибудь побиться. Мысли приходят самые разнообразные. Вы не против?

Он вынул из кармана плеер и нажал на кнопку. Из наушников раздалось хрипатое рычание.

– Владимир Семеныч, – прокомментировал Жорик, вооружаясь наушниками. – «Белое безмолвие», слышали? Хотя Летов, кстати, весьма неплохо перепел. Душевная тема.

– Ладно, милые мои, – вздохнул Силовайский, глядя, как его подопечные выводят прихрамывающего Жорика за дверь, – я ничего не видел. Исключительно потому, – неожиданно сказал он, – что сам бы врезал этому подонку пару раз. Но, – доктор патетически развел руками, – не навреди. Удачи вам. Завтра к вечеру все получите. Пальчу привет.

И он вышел, аккуратно затворив за собой дверь.

– Фигасе, – ошеломленно сказал Степаныч. – Это он так про нашего полкана? Его же даже генералы на «вы» называют да по имени-отчеству.

– Но привет-то передадим, – кивнул Костян. – Может, очков заработаем.

– Главное, чтобы в очко не заработать, – почесал в затылке Степаныч. – Вдруг люлей получим за то, что отдали Жорика. А шеф шутить не любит.

– Давай до завтра доживем, – Костян выключил ноут. – Три утра уже. Хоть бы пару часов давануть.

– Тогда пошли по домам, – Степаныч вынул из стола ключ, и оба оперативника вышли. Ключ глухо лязгнул в замке.

Они подошли к машине Степаныча, оперлись о нее спинами.

– Да, ночка нехреновая вышла, – усмехнулся Костян. – Щас в душ и спать скорее. Устал я что-то. Рядом с этим шизанутым дышалось трудно. Как будто весь воздух из кабинета вытянул.

– Твоя-то что, ждет? – спросил Степаныч, закуривая и вполголоса чертыхаясь – он чуть не опалил усы. Костян тоже вынул пачку.

– Какое там, – Костян щелкнул зажигалкой и произвольно чихнул, когда непрошенная струйка дыма залезла ему в нос. – Спит, наверное, без задних ног.

– А моя ждет, прикинь, – Степаныч улыбнулся. – Дочку уложит и вяжет. Дурочка, каждое ночное дежурство переживает. Хотя сколько мы с ней уже?

– Шесть лет, даже я помню. Мы ж на твоей свадьбе гуляли, когда я только перевелся из районного.

– Ох, время летит! И ведь каждый раз так, ночью вернешься – сидит в кресле, вяжет носок какой-нибудь, сериал смотрит, и часы рядом.. Иногда бесит, конечно, но в целом приятно. Хорошо, когда дома ждут.

– Эх, Николай ты Степаныч, – Костян затаился сильнее и выдохнул дым, лукаво поглаживая напарника. – Вот тебе уже под полтинник, усищи отрастил, как веники, а все туда же – дома его ждут! А как же рыбалка, гараж, ну, какая-никакая мужская воля? Подкаблучник ты, вот что я скажу!

– Та-а, все мы подкаблучники, когда баба хорошая достается, – подмигнул ему Степаныч. – Сам рад таким быть. Все равно все ради них делаем. А вот подвернулась бы какая мозгоклюйка, сразу бы и в гараж, и на рыбалку – куда угодно, только чтоб такую не видеть.

– Согласен, братан, – и опера пожали друг другу руки.

Костян решил не говорить Степанычу, что последние две недели его жена тоже не спит по ночам. Говорит какую-то ерунду, что во сне уже несколько раз видела, как Костяна убивают. Причем каждый раз одинаково. Темная фигура подходит сзади и бьет в спину ножом с такой силой, что его кончик высовывается спереди между ребер. С него срывается капля крови и медленно падает на землю. Причем ее падение вызывает такой грохот, что Машка каждый раз просыпается. Когда Костян приезжал домой, она бросалась ему на шею, зареванная, и каждый раз просила звонить с ночного. И он каждый раз забывал.

Вытащив мобилу, Костян нашел номер Машки и ткнул пальцем в сенсорный экран. Степаныч удивленно поднял брови.

– А вдруг не спит? – ответил на его немой вопрос Костян. – Она на беззвучный ставит все равно, не разбужу.

В телефоне щелкнуло. Степаныч дурашливо поднял руки и отошел в сторону.

– Маш, привет, это я, – буркнул Костян в трубку. – Да, уже еду. Не, ниче, все нормально. Кстати, прикинь – мы наконец-то душителя поймали. Так точно, Хаоса. Со Степанычем, конечно. Да все хорошо у нас, я тебе говорю. В дурку отправили, сейчас приеду, расскажу. Все, давай.

Он выключил телефон и еще раз затаился.

– А я Светке звонить не буду, – цыкнул зубом Степаныч. – Че ее баловать? Приеду, там и поговорим.

– Как хочешь, – Костян щелчком пальца отправил окурок в урну, не попал и досадливо поморщился.

Глава 4

Дебилы, самые настоящие дебилы.

Так думала Яна, глядя с тоской на своих беснующихся коллег. Сколько счастья из-за того, что рабочий день объявили коротким из-за вечернего корпоратива. И ладно бы дали премию в размере двух окладов, или корпоратив был бы не в стенах любимой работы, а где-нибудь в Египте. Так нет, всё как обычно. Сядем за накрытые столы в одном из кинозалов, потом понесутся дежурные тосты, каждый из отделов покажет сценку или споет песенку под фанеру, ну и, наконец, танцы-обжиманцы.

– Янка! Дууууу! – подскочил и задудел ей прямо под нос из дурацкой вувузелы кадровик, вечно улыбающийся неизвестно чему толстяк Толик. – Круто! Отдыхаем!

– А то ты прямо такой заработанный, – вздернула нос Яна.

– Ну, знаешь, работы у меня хватает! – оскорбился Толик, и вувузела его поникла. – Но когда есть возможность бухнуть, да еще в приятной компании...

Он набрал в рот воздух и вновь мерзко и пронзительно задудел.

– Когда, интересно, ты упустил такую возможность? – подошел сзади Санек, вихрастый остроглазый паренек из юротдела. – Вчера от тебя такой фан был, когда ты к нам с утра зашел!

– А кто тебе сказал, что была приятная компания? Может, я один надрался? С горя?

– Да уж конечно, один, – хмыкнул Санек и покосился в угол, где красилась хорошенькая, но глупенькая Леночка, помощница Толика по подбору персонала.

– Ты на что это намекаешь, подлец? – загремел Толик, но глаза его смеялись.

– Я не намекаю, я всегда говорю правду, потому как юрист.

– Юрист, а юрист, – Толик игриво хлопнул Саньку по плечу, – сам-то что ушами хлопаешь? Вот хотя бы Янку взял в оборот, а то она у нас одна да одна..

– Между прочим, у меня есть парень, – гордо сказала Яна. – Не чета вам, не курит, не пьет, спортом занимается.

– Ага, и телефоны рекламирует, – кивнул Толик. – Хью Джекманом звать.

Яна покраснела.

– И ничего похожего! Никакой не Хью. Его Егором зовут! Нормальный парень..

В этот момент телефон Яны заиграл тему «Шерлока».

– Вот! – Яна триумфально помахала трубкой. – Слопали?

Она вскочила и унеслась на кухню.

– Врет? – спросил Толик у Саньку.

– А то, – кивнул тот. – Брат у нее есть старший, вот он как раз и есть этот Егор. Я их видел как-то вместе, он за ней после работы заезжал.

– Точно брат?

– Ну, знаешь, любовники так себя не ведут, – туманно объяснил Санек.

Впрочем, Толик быстро потерял интерес к братской любви Яны. Он уже несся в сторону кабинета замдиректора, надсадно трубя из вувузелы.

– Сеньор Лижизад, – прокомментировал Санек, глядя, как Толик, распахнув дверь начальнического кабинета, всюю расписывает красоту и внешность Инессы Алексеевны.

– Санище! – услышал он сзади и обернулся как раз вовремя, чтобы хлопнуть по подставленной руке Лехи-айтишника. – Гуляем? Ты с кем седня? С Валькой?

– Пока не знаю.. Сам знаешь, я недолго. Валуха может и забежит на пять сек, а потом мы вместе свалим.

– Пятница-развратница, – подмигнул Леха и потер тронутую ранней лысиной голову. – Ну что ж, дело молодое... Развлекайтесь, детишки. Стройте планы на будущее, там, нари-нари. А дядя Леша уже пожил, повидал свое, ему эти длительные отношения уже во где!

- Понятно, грязный ты старикашка, – кивнул Санек. – Опять Яну клеить будешь?
- Непрístupные крепости – мой конек, – Леха насупился и скрестил руки на груди. – Казань брал, Кемь брал, Яну не брал..пока.
- Ну ты смотри, а то ей брат звонил, опять приедет ее забирать, только и видали твою Казань.
- Нее, я буду нежен, – хищно сузил глаза айтишник. – Сяду рядышком, поухаживаю, шампанское там, нари-нари, потом потанцуем. Глядишь, и выйдет чо.
- Чтобы боком не вышло, гляди, – заметил Санек. – А то, как в прошлый раз, домой приведешь, а там бывшая!
- Да, неудобненько вышло, – Леха подвигал бровями. – Но я-то свое все равно получил.
- Ну да, ну да. С кем, интересно? Сам на сам?
- Почему же? Катюха осталась, бывшая в другой комнате легла. Утром вместе завтракали.
- Шикардос, – покрутил головой Санек.
- Да, я обаятельный, – кротко сказал Леха. – Ладно, надо идти, плейлист готовить, нари-нари, потом киномеху отнести, чтобы на плеер загрузил.
- Мы так скоро до караоке доберемся, – покачал головой Санек.
- Это вряд ли, зрители в фойе услышат наши вопли и сбегут туда, откуда не возвращаются. План упадет. Премию не получим. Тебе это надо? И мне это не надо. Лан, я побег.
- Яна тем временем общалась с братом.
- Егорчик, ну пожалуйста, забери меня часиков в десять, – умоляла она. – Ты знаешь, как я не люблю на метро поздно добираться. Мало ли каких уродов земля носит. Может и поближе ко мне занести.
- Ян, не могу я сегодня, – оправдывался брат. – У меня конференция бог знает до сколько затянется, я, собственно, тебе поэтому и звоню, предупредить, чтобы ты не волновалась. А потом я сразу в командировку улетаю, пока не знаю, до которого. Блин, говорил тебе, поближе ко мне квартиру снимай. Нет же, тебе возле работы надо! Вот теперь и чапай домой ночью.
- Ну и пойду, пусть меня убьют, а ты виноват будешь!
- Так, ты глупости не говори. Кто тебя убьет? Из метро два шага пешком до твоей хаты. Я тебе звонить буду, если смогу, конечно.
- Спасибо! От твоих звонков насильник сразу наденет штаны и убежит.
- Ян...
- Давай, всё, поговорили!
- Яна отключилась и налила себе воды из кулера. Блин, как же не хочется сидеть на этом празднике жизни! Но начальству надо угодить, а оно не любит, когда организованные и оплаченные им праздники не посещают. Что Инна, что шеф Сережа, оба вечно морды кроют, когда говоришь, что не сможешь прийти, или что тебе нужно пораньше домой. Корпоративный дух насаждают, как же! Да кому он нужен, лучше бы зарплату без задержек платили и к людям относились по-человечески, а не проявляли заботу только в дни рождения или календарные праздники...
- О! Яночка! Свет мой ясный, сахар мой сладкий! Ты что здесь?
- Это Димас. Неплохой, в общем-то парень, киноинженер, как бог разбирается во всяких линзах и проекторах. Только считает себя невозможным ловеласом и клеится ко всем без разбору.
- Мой бог, ты пьешь водичку? Как же это возможно? Настоящей королеве бала пристало пить только чистый спирт! Ну, или в крайнем случае шампанское! – и Димас, как факир, извлек из-за спины полный бокал.
- Дим, ты где его взял? Столы только накрывают..

– Чтобы я и не знал, где взять бухла? Обижаааешь! – протянул Димас. – На! Отведай из моего кубка!

– Я вообще-то не хотела сегодня пить, что-то голова побаливает, – неохотно взяла бокал Яна. – Разве что из уважения.

– Уважение? И это все, что ты испытываешь к такому чудо-парню, как я?

– Даже этого много, – Яна отхлебнула пузырящегося напитка. – Каплю уважения и щепотку симпатии.

– Она говорит, как стихи складывает, – обратился Димас к невидимой аудитории. – Может, закрепим наше уважение дружеским поцелуем? В щечку?

– Дима, отвали, – Яна сунула ему в руки бокал и пошла к выходу из кухни. Лицо Димаса на миг перекосила досадливая гримаса, но потом он потрянул головой, расплылся в ухмылке и осушил бокал.

– Ниче, – бодро сказал он себе. – Девчонок много, я один. Эта шпана не в счет.

– За шпану конечно, можно и выхватить, – Димас, пока пил шампанское, не заметил, как за его спиной материализовался инженер Вовка, хоть и невысокий, но мускулистый мужик, обладающий лишь зачатками чувства юмора и любящий поскандалить.

– Вовчик, я не про тебя, я про другую шпану, – показал куда-то за его спину Димас, и, когда технарь стал оборачиваться, ловко обогнул его, сказал «Пардон» и торжественно удалился из кухни, размахивая бокалом как тамбурмажором.

– Догоню – убью, – пообещал Вовка, никого, впрочем, убивать не собиравшийся. Он открыл холодильник и принялся копаться в нем в поисках перекусить. Инженер никогда не гнушался чужими обедами, и сотрудники офиса часто ворчали, обнаружив отсутствие бутера с колбасой, полупустую коробку с соком или два вместо трех бананов.

– Ребята! – пронесся по офису зычный голос шефа. – Через пять минут собираемся в переговорке!

Ровно через десять минут все уже томились в комнате для совещаний. Ждали Сергея. Перешептывались. Димас копался в планшете. Рекламщик Андрюха, хитро шевеля усами, переписывался с кем-то по «вацапу». Вовка жевал похищенный из недр холодильника бутерброд. Менеджер по кинопрокату, или, как он себя любил называть, букер Геша что-то строчил в ежедневник. Симпатичная брюнеточка Танюха прихорашивалась. Яна вздыхала и разглядывала ногти. Остальные шушукались или отправляли сообщения в телефонах. Через минуту вошел шеф, Инна и миниатюрная, вечно улыбчивая секретарша Катюшка, которую все в офисе звали Катёнком – такая она была вся из себя уютная и пушистая, хотя, когда нужно, могла выпустить коготки.

– Господа, – начал Сергей, как всегда, игнорировавший в разговоре присутствие дам и чесавший всех под одну гребенку, – ни для кого не секрет, что поводом для нашего корпоратива стал не только грядущий день кино, но и новость о прибавлении в нашей сети. Я все-таки довел до конца переговоры, и рад сообщить, что в нашей семье прибавление! Мы купили еще одну небольшую компанию, состоящую из пяти кинотеатров, и теперь у нас всего семнадцать «детей»! Что в преддверии Нового года является еще более хорошей новостью.

Все заплодировали. Новость и вправду была хорошая. В Новый год кинотеатры получают максимальную прибыль, и теперь, став больше, их сеть сможет легко перевыполнить план. Тут и до Египта недалеко. Даже Яна воспряла духом. Видать, не зря все же решила остаться. За такую новость не грех и выпить.

– Господа! – вновь призвал всех к вниманию шеф. – Сегодня у нас, как вы уже знаете, корпоратив.

– Что, серьезно? – скроил дурацкую озадаченную физиономию Толик.

– Я и не знал, – покрутил головой Леха.

– Кого позвать? – бормотнул Геша.

– Урааа, – не поднимая головы от телефона, пробасил рекламщик.

– Начало в девятнадцать-ноль-ноль. Есть время привести себя в порядок. Девушки, вы можете не беспокоиться, сотрудницы нашего бара сделают все сами и накроют столы в седьмом зале. Пока красьтесь там, репетируйте номера, ну, и готовьтесь к пьянке! Учили меня отец мой и мать: бухать так бухать, стрелять так стрелять...

Все засмеялись. Кто-то действительно от шутки шефа, кто-то подобострастно, кто-то просто так, чтобы не отстать от всех. К последним принадлежала и Яна. Ну никак она не могла стать членом команды, как ни старалась. Видно, есть такие люди, принципиальные одиночки, которым комфортно отдыхать только наедине с собой. Или с любимым человеком, но такого Яна пока не встретила...

Глава 5

Жорик с трудом разлепил глаза. Он долго не мог уснуть, и сон одолел его уже с зарей. Которой, впрочем, все равно не было видно – окна в лечебнице были тщательно закрашены некими абстрактными видами природы, птичками-бабочками и прочей пасторальной ерундистикой. Кровать была намертво привинчена к полу, от ее ножки шла тонкая и прочная цепь наручников, которые в данном случае следовало бы назвать «наножниками», ибо одна их часть охватывала лодыжку Жорика, не давая ни малейшей возможности сбежать. Впрочем, наручники тоже присутствовали, одна рука Жорика была пристегнута к основанию кровати такой же цепочкой, по счастью, длинной, так что определенная степень свободы у него была.

– Сколько времени? – подал он голос.

– Сейчас без четверти шесть. Вечера, если интересно, – раздался знакомый бархатный голос.

– А-а-а, профессор! – обрадовался Силовайскому, как старому приятелю, Жорик.

– Хорошо, что не добавили «итить твою мать», – заметил профессор.

– М-м-м, Шариков, – продемонстрировал свое знание киноклассики Жорик.

– Ого! – озадаченно сказал Силовайский. – А вы у нас не чужды культуре?

– Еще бы не чужд, – кивнул Жорик. – Я кино люблю. Особенно сериалы.

– Ужасы, конечно, – уточнил профессор, делая какие-то заметки в блокноте.

– Почему сразу ужасы? Детективы, триллеры. Хотя комедии тоже люблю. «Кухня» мне понравилась, и «Физрук» тоже. Научились наши снимать, а?

– Понятно, – в голосе профессора послышалось легкое разочарование.

– Нет, ну я классику тоже люблю, – поспешил реабилитироваться Жорик. – «Вечный зов», «Место встречи...» Кстати, чтоб вы знали, если бы Жеглов существовал на самом деле, он мои поступки однозначно бы одобрил.

– Ни в коем разе, – покачал головой профессор. – Ваши поступки в здравом уме одобряет только один-единственный человек – вы сами. Что, собственно, и заставляет усомниться в вышеупомянутом здравом уме. Ничего, надеюсь, курс лечения, который вас ожидает, заставит как минимум открыть вам глаза на то, что вы совершили.

– А как максимум?

– Как я уже говорил, изучение вашего разума, ваших инстинктов, побуждающих вас к столь разрушительным действиям, поможет нам избавить общество от таких, как вы, выявляя их, что называется, в зародыше. Но для начала давайте попробуем вспомнить все ваши жертвы. Начиная с первой. Говорите, а я буду записывать.

– Доктор, вы же умный человек, – прищурился Жорик. – Давайте поторгуюсь.

– Давайте, – неожиданно охотно согласился Силовайский. – Чего вы хотите?

– Я хочу, чтобы на мне не ставили никаких опытов!

– Хорошо, а что вы подразумеваете под опытами? Вы ждете, что мы будем вырезать у вас кусочки мозга, вскроем черепушку, начнем тыкать туда иглками, наблюдая за вашими затейливыми и разнообразными реакциями вроде пускания слюны и непроизвольных взрывов хохота?

– Ну, – Жорик замялся, глядя, как ехидно шуруется профессор, – что-то вроде того.

– Милейший, – профессор потер руки, – это прошлый век. Я бы даже сказал, позапрошлый. Мы с вами живем в эпоху высоких технологий. Любые исследования внутри вас мы можем провести, абсолютно не прибегая к хирургическим операциям. Не считать же за такие несколько проглоченных пилюлек с микросхемами?

– Погодите, а как же слухи о ваших нечеловеческих экспериментах? Я читал...

– Разумеется, вы читали. Желтую прессу, разнообразные блоги, басни вроде бы очевидцев и прочую чепуху? Неужели вы, достаточно образованный человек, хотя и совершающий жуткие вещи, верите во все эти бредни? Не скрою, у меня в клинике есть подвальные помещения, но они предназначены для хранения ценного оборудования и весьма дорогих лекарств. А вы уж было решили, что я держу там мутантов, помесь бобика со свиньей или еще что-то в этом роде?

Жорик был в замешательстве. Он действительно читал различные статьи, поначалу заинтересовавшись исследованиями доктора, который вроде бы подходил к той же проблеме, которую пытался решать он, Жорик. Только с другой стороны. Он пытался очистить общество с помощью медицинских препаратов и научных открытий. Но Жорик знал, что пока дойдет до конкретных результатов, пройдут годы, а то, и десятилетия. Мир же требовал очищения уже сегодня, сейчас.

– Дорогой мой, – профессор подошел к Жорику и успокаивающе положил руку ему на плечо, – поверьте, никто не собирается вас кроить и кромсать. Да, мы будем изучать вас и пытаться что-то склеить в вашем треснувшем сознании, но все это будет исключительно научно и никак не по-мясницки. А пока давайте вспоминать. Итак, первый раз вы убили...

– Семь лет назад.

– Это была ваша девушка, о которой вы упоминали?

– Как вы узнали? – прищурился Жорик. – Я о ней говорил только тем двум придуркам.

– У меня было время сделать несколько звонков, кое-что уточнить и, как говорится, свети факты воедино, – сказал профессор. – Да, этим двум, как вы их опрометчиво назвали, придуркам я тоже звонил.

– Почему же опрометчиво? Придурки и есть.

– Но им же удалось арестовать вас. Вас, неуловимого Доктора Хаоса!

– Это была случайность, вы же понимаете. Если бы в машине были бы другие патрульные, повезло бы другим.

– Вся наша жизнь – цепочка случайностей, – склонил голову Силовайский.

– Коллега, давайте без шаблонов, – Жорик поморщился. – От вас-то я этого никак не ожидал.

– Итак, – не обратив внимание на «коллегу», профессор потер руки. – Кому же не повезло стать вашей первой жертвой?

– Собаке, – коротко ответил Жорик.

Видимо, в глазах Силовайского отразилось разочарование, и убийца добавил:

– Наверное, после ее убийства я, что называется, поверил в себя. В свою силу, если быть точным. В свою избранность я поверил позже. А пока была собака. Дворовый пес сестры по кличке Бульдог. Хотя ничего от бульдога у него не было, обычный двортерьер. Но не любил меня жутко. Постоянно лаял, хотя знал меня больше пяти лет. Истерически так лаял, захлеб. Набрасывался, путался укусить.

– Вы били его? Кричали?

– Никогда! Я даже кормил его. Но не с руки, так, бросал куски колбасы. Это были единственные минуты, когда он на меня не орал. Даже, наверное, секунды – проглатывал колбасу и опять принимался за свое. Мало-помалу меня это выводило из себя. Ну и однажды ночью я пробрался к сестре. Бульдог начал орать, но домашние привыкли к ночным руладам пса, и не реагировали...

Жорик как наяву увидел эту картинку. Бульдог уже сипит от злости, а не лает, когда видит, как в ночи к нему крадется объект его ненависти. Бросается к нему, цепь натягивается до предела, но отбрасывает пса назад. Он опять совершает бросок. У Жорика в руках черенок от лопаты. Короткий замах.. И палка медленно опускается. Жорик не в силах нанести удар. Он видит глаза собаки, так близко, практически в упор. В глазах он видит нечто,

что не дает ему завершить мечь. Что-то кроткое, может, даже умоляющее. Бульдог замирает.. И внезапно кидается на него. Когти царапают по куртке, а зубы едва не впиваются Жорик в руку, которой тот держит черенок. И все, минутная жалость проходит. Палка стучает пса по виску. Мощно, от души. Легкий хруст хрупкой кости, взвизг, и Бульдог воняющим псиной ковриком падает на землю. Жорик смотрит по сторонам, но тишину ничто не нарушает. Затем он обворачивает пса в здоровенную тряпку, приготовленную накануне, и тащит в уличный туалет, в который поздней осенней порой практически никто не ходит. На его счастье, дерьмо не успели откачать. Положив Бульдога на землю, Жорик тихо, стараясь не шуметь, снимает деревянный «насет» с дыркой-сидушкой. Вновь поднимает пса, и вдруг чувствует, что тот еще жив. Бульдог дергается, слабо пытается выбраться из обмотавшей его тряпки. Но Жорик без сожаления кидает вонючий сверток в еще более вонючую жижу метровой глубины (специально вчера измерил, погружая в дерьмо корявый дрын). Чвакает жижа, принимая в себя дар природы. На поверхности еще какое-то время появляются судорожно разгоняющие дерьмо собачьи лапы, со дня подымается несколько пузырей, которые лопаются, соприкоснувшись с воздухом. Жорик для верности тыкает в глубину дрыном, задевая мягкое и дергающееся. После, размахнувшись, запускает дрын, как копьё, на соседский огород. И идет домой, мимоходом обрывая цепь, на которой раньше сидел безвременно утопший Бульдог. Собаку, конечно, искали, слез и соплей было немерено. Жорик принимал самое деятельное участие в поисках. Которые, естественно, ни к чему не привели.

– Любопытно, – была единственная реакция профессора на рассказ Жорика. – А человека когда первый раз лишит жизни изволили? Ваша девушка?

– Да что вы к ней прикопались?! – рассердился Жорик.

– Обычное дело для таких, как вы, срывать свой гнев на родных.

– Да нет, – покачал головой Жорик. – Первым был мужчина.

– Любовник?

– Банально. Нет, настоящий человеческий очисток. Сосед наш, Сашка-алкаш. Мерзкий тип. Реально засоряющий наш мир своим присутствием.

– Может, стоило направить свою энергию на помощь этому человеку? Открыть ему глаза. Заставить остановиться. Устроить на работу. Вот это была бы настоящая помощь.

– Доктор, – как маленькому, ласково сказал Жорик, – вот вы иногда производите впечатление умного человека, а как скажете что – дурак дураком. Знаете поговорку – горбатого могила исправит? Вот все те, кого я покарал, как раз те самые горбатые. А некоторые из них, как верблюды, двугорбые. Тех уж точно только могила.

– Итак, Сашка-алкаш, – профессор опять потер руки, как будто рассказ приносил ему удовлетворение, хотя лицо у него было самое что ни на есть несчастное. – Продолжайте.

Жорик прикрыл глаза и продолжил ровным медитативным голосом...

Глава 6

Сашка-алкаш жил в соседнем доме одного с Жориком двора, в уютной саманной развальношке. Каждый вечер он, еще довольно молодой мужик, бритый налысо от регулярных посещений трезваков, сидел на приступке своего дома и либо затягивался сигаретой (он курил самые дешевые, покупал оптом на местном рынке), либо прихлебывал из пластиковой бутылки пиво, опять-таки копейное. Пялился на мир из двух узеньких щелок, заменяющих ему глаза.

Когда в его плавающее поле зрения попал проходящий по двору Жорик, Сашка оживился.

– О! Жора! Слышь, ты это.. – алкаш оторвал задницу от крыльца, пошатнулся, но устоял на ногах, и потащился за ним, искательно заглядывая в глаза. – Ну эт`самое.. Червонец не займешь? Очень надо, не хватает немножко!

– Тебе всегда не хватает, – отрезал Жорик. – На той неделе на сигареты, на этой на пиво. Сегодня на что?

– А мне эт`самое. Мне за свет надо платить, во! Не хватает вообще-то сотки, но я набрал тут уже, – Сашка полез в карман и вынул руку с грудой грязной мелочи, в которой затесалось несколько мятых зеленых «десяток». – Жировка пришла уже, отключат же за неуплату. А как я без света? Читать же надо!

Вот это всегда поражало Жорика. Сашка много читал. Запоем. Причем телевизор не смотрел, может, ему было неинтересно. То, что телек у Сашки есть, правда, старый черно-белый, еще ламповый динозавр «Крым», Жорик знал. Но по вечерам из его окон лился только тусклый свет лампочки-сороковки. Сашка читал все подряд: женские романы, фантастику, детективы и даже учебники, смотря что удавалось находить на мусорках. Раньше он был весьма неплохим электриком, Жорик даже помнил то время, когда Сашка ходил на работу в относительно свежей рубашке, и все соседи обращались к нему на предмет починки всякой техники или замены проводки. Но после смерти матери, которая, собственно, и спаивала Сашку в отсутствие постоянных собутыльников, Сашка ушел в штопор. Его выгнали с работы, регулярно отрезали свет и газ за неуплату. Он с такими же, как он сам, колдырями-кустарями искал шабашки возле местного рынка. Любители копейной починки находились всегда, ибо Сашка брал за ремонт всегда пивом или водкой. Деньги в доме делала Сашкина сестра, которая уже давно не жила с выпивохой-братом, но время от времени подкидывала на оплату коммуналки, все-таки дом был записан на нее.

– Ну че, Жор? Дашь десюнчик?

Жорик с отвращением посмотрел на трясущуюся руку алкаша, вынул из сумки портмоне и вытряхнул из отделения для мелочи все монетки, что там были.

– На, и до конца месяца не проси! Шиш получишь!

– Ой ты ш Жора, – Сашка принялся пальцем пересчитывать монетки. – Да конечно же! Да за ради Бога! Шоб я! До конца месяца-то.. Да еще бы..

Жорик отвернулся и, погремя ключами, зашел в дом. На пороге он обернулся, чтобы закрыть дверь, и поймал взгляд Сашки, полный зависти.

Той же ночью Жорик проснулся от неясного шума на кухне. Она, как и во многих домах старого жилого фонда, была последней из помещений перед выходом из дома, исключая прихожую. Жорик тихо откинул одеяло, встал с дивана, тренькнувшего пружинами, и пошел в кухню, освещаемую слабым мечущимся светом чьего-то фонарика. Заглянув в дверной проем, Жорик замер. Посреди кухонного стола стояла здоровенная сумка, распаханная, как пасть кашалота. Из нее уже торчали какие-то пакеты и ручки пустой посуды. По полкам тихонько, как мышь, шарился Сашка. Он вынимал банки, коробки, совал в них нос и ставил на место. Рядом

с «кашалотом» лежала рабочая сумка Жорика. Она тоже была открыта. Портмоне валялось на полу, явно выпотрошенное.

Сделав пару шагов, Жорик взял со стола хлебный нож. Сашка, весь в азарте поисков, ничего не слышал. Зато он почувствовал легкий удар по плечу. Замер. И медленно повернулся.

– Жор, – сипло сказал он, сглотнул и более чистым голосом повторил. – Жор, ты че? Я же тут...

Чисто по наитию поняв, что Сашка сейчас заорет, призывая на помощь соседей, Жорик метнулся к нему и ребром ладони саданул Сашку по кадыкастой шее. Крик воруги захлебнулся, даже не начавшись. Сашка то ли кашлянул, то ли всхрипнул, схватился за шею и подался вперед. Прямо на нож, выставленный Жориком. Направив лезвие точно в сердце, Жорик точно так же шагнул навстречу Сашке. А ножи на кухне всегда были наточены на славу, Жорик за этим следил. Он же не та соседка из песни Шуфутинского!

Лезвие легко разрезало ветхую ткань Сашкиной голубой рубашки и вошло между ребрами. Для надежности Жорик ударил ладонью по торцу деревянной ручки, вбивая нож до упора.

– Ай, – как-то по-детски сказал Сашка.

– Больно? – участливо спросил Жорик.

– Мгм, – согласился Сашка, но его глаза уже смотрели куда-то вверх. Нижняя челюсть отвисла, оттуда вырвался вздох, отвратительный по запаху, смесь многодневного перегара, курева и сыра. Ноги Сашки подкосились, и он упал бы, если бы не заботливые руки Жорика...

– Понимаете, доктор, – сказал Жорик, постепенно выплывая из омута воспоминаний, – хорошо в этом смысле жить в частном доме. Всем все равно, чем ты занимаешься, главное, вовремя и всегда вежливо здороваться с бабушками и тетушками, спросить, как здоровье, посочувствовать насчет маленькой пенсии и дороговизны лекарств, поругать вместе правительство. Сашку я сбросил в старый погреб, который давно забирался засыпать. На следующий же день продемонстрировал всем дыру в полу, якобы следствие прогнивших досок, узнал у соседей, занимающихся пристройкой гаража, телефон заказа стройматериалов, и заказал машину песка и десять мешков цемента. На следующее же утро устроил публичное действие с засыпанием погреба, и на этом все закончилось. Сашку хватились примерно через неделю, поскольку привыкли, что он часто откидает в «обезьяннике». Ну, конечно, поискали для вида, опросили всех его корешей-забулдыг, но, понятное дело, ничего не выяснили. Сестра довольно быстро продала дом, оставила всем соседям контакты на случай, если Сашка все же объявится, и буквально через месяц вместо пьяницы-электрика во дворе жила вполне приличная семья с двумя детишками.

– То есть это убийство можно считать началом очищения мира от несправедливости?

– Конечно. Я и понял – кому, если не мне, следует заняться этим вопросом вплотную?! Если хотите, почувствовал себя Гераклом, исполняющим подвиг с Авгиевыми конюшнями. В этом мое назначение. В этом смысл моей жизни.

– Кто, если не вы? – кивнул доктор. – Понятно. Большинство маньяков руководствуются именно этой самовыстроенной теорией.

– Как хотите, – отмахнулся Жорик. – Верите, нет – мне вообще далеко безразлично все, что вы обо мне думаете и кем считаете. Важно, что о себе думаю я. И многие люди, если бы знали истинные причины,двигаемые мной, были бы со мной согласны.

– Как, по вашим словам, капитан Жеглов? Увольте, милейший. Вы же прекрасно знаете, что жизнь человека, даже если она кажется вам лишней и никчемной, все равно бесценна. Вы убивали людей, не скотов, не извращенцев, не таких же убийц и бандитов – вы убивали абсолютно безопасных членов общества!

– Это вы так думаете, – прищурился Жорик. – А я как раз считаю их самыми вредоносными. Убийца совершает свое действие, когда не в силах мириться с несправедливостью, когда

у него нет другого выхода изменить ситуацию. Да, среди них есть конченые мрази, которые убивают ради денег, жратвы или банально из зависти. Но когда такой вот Сашка вломится в дом не к вам, доктор, а к какой-нибудь учительнице или медсестре, чтобы забрать последние копейки? Когда менеджер в магазине откажет в приобретении булки хлеба малоимущему, потому что у него не хватило десяти рублей? Когда...

– Я вас понял, Георгий Георгиевич, ваша точка зрения мне ясна. Давайте продолжим. Все же время идет, а полноценного признания от вас я еще не получил. Вам же у нас нравится? Вы же не хотите отправиться в тюрьму, где с вами будут разговаривать по-другому?

– Конечно же, нет. Профессор, что бы вы хотели услышать дальше? Может, хватит подробностей, я просто назову вам общее количество моих жертв, и места, где их следует искать?

– Для краткости, конечно, можете сделать это сразу. Но мне нужны именно подробности. Мне нужно знать все, несмотря на то, что ваши доводы к оправданию собственных поступков я уже услышал. Итак, кто был следующим?

– Я поставил на поток очищение города где-то через месяц после убийства алкаша. После него было еще пара таких же выпивох. Моей первой женщиной... Эротично звучит, да, доктор? В общем, о своей первой женщине я расскажу в свое время. Зато про вторую могу рассказать сразу, так, обычная шалава, обслуживающая нашего соседа во время отсутствия его жены по служебным надобностям. Затем был.. ммм.. ах, да, продавец из супермаркета «Титаник», хамивший всем и каждому. В общей сложности до сегодняшнего дня я избавил мир от тридцати четырех мужчин и сорока девяти женщин. Эта вчерашняя могла бы стать юбилейной. По этому случаю я даже заказал столик в ресторане. Кстати, управляющий этого местечка стал бы тридцать пятым, а та, что сидела бы за соседним столиком – пятьдесят первой. У меня все просчитано, профессор. То, что попался, как я уже говорил, досадная случайность. Как вы там говорили? Миром правит случай?

– Вы убивали когда-нибудь родственника? – проигнорировав последние слова убийцы, задал вопрос Силовойский. – Члена вашей семьи?

– В моей семье нет и никогда не будет таких тварей, – заметил Жорик, ничуть не рассердившись. – Я это знаю точно. Хотя если бы Ангелина стала моей женой, может, одна бы и появилась.

– Ангелина? Ваша девушка? Это и была та самая первая жертва-девушка?

– Нет. Хотя мою первую приговоренную женского пола звали похоже – Полина. Интересно, это был какой-то знак? Хотя это сейчас абсолютно неважно. О, как я рассчитывал на Ангелину! Я позволил ей войти в свою жизнь. Надеялся, что смогу воспитать ее по своему образу и подобию. Мы бы стали с ней как Микки и Мэлори из «Прирожденных убийц», только не такими обалдуями, ищущими славы, а безмолвными тенями, возникающими из ниоткуда и исчезающими в никуда. Вот в принципе в это самое «никуда» она и исчезла. И еще, доктор. О ее смерти я рассказывать не буду. Мне неприятна эта тема.

– Ни полслова?

– Я скажу, где можно найти ее труп. И только.

– Ваше право, – доктор развел руками. – А знаете, голубчик, я тут кое-что придумал. Видимо, вам будет легче, если вы сможете рассказывать свою историю без свидетелей. Я оставлю здесь включенную аппаратуру, а вы говорите. Все, что хотите и можете рассказать о своих жертвах, о местах, где скрыли тела, о своих мотивах.

– Можно подумать, у вас нет камер, – фыркнул Жорик.

– Есть, конечно, но они не пищут звук. Я и вправду не хочу мешать вам своим присутствием. Когда закончите, нажмите на эту кнопку, – он показал на едва заметную выпуклость в изголовье кровати. – Я тут же приду.

– А если вы будете дома?

– Я живу здесь, Георгий Георгиевич. Работа – это мой дом. Хороших воспоминаний!

С этими словами профессор удалился. Жорик отхлебнул воды, стоящей рядом на тумбочке, поставил жестяной стакан обратно и продолжил рассказ. С каждым новым воспоминанием он чувствовал себя все лучше, все умиротвореннее. Подумать только, сколько хорошего он сделал для своего города! Однако Жорик даже не предполагал, что до полного покоя ему еще очень далеко.

Глава 7

– А я тебе говорю, даст! – это было первое, что услышала Яна, заходя в женский туалет. – Лешка такой, убалтывает на раз!

– Ой, можно подумать, ты дала!

– Я нет, но Катюха наша, думаю, уже сломалась. Аленка вряд ли... А вот Наташка наверняка, она с ним вроде крутила в том году.

– Не, Танюш, Янка не такая. Она правильная.

– Все мы правильные до пятого бокала, – хихикнула Танька, поворачиваясь прямо на Яну. Лицо ее тут же сменило несколько выражений, от испуга до хитрой улыбки.

– Яночка, привет! А мы тут мальчишек обсуждаем! – затарахтела Лена, помощница Толика, о которой ходили слухи, что она усердно пытается склонить своего начальника к койке, но тот упорно отказывался, подтверждая свою репутацию «голубка».

– А знаете, девчонки, я Лешке давать не собираюсь, – неожиданно поддержала общий разговор Яна. – Он же лысый. А я лысых не люблю. И еще старше меня лет, наверное, на десять. Может, мне с Сашкой замутить, а?

Она подмигнула побледневшей Таньке, которая уже несколько месяцев бегала за симпатичным юристом, ничуть не обращая внимания на то, что парень занят.

– Санечек ниче так вроде. С ним даже напиваться не надо. Пару танцев медленных, и алёмалё...

– Ян, да перестань, зачем тебе Саша? – залезбила Танька. – Пацан как пацан. Лучше на Вовку внимание обрати, во мужик! Здоровый, как черт! Все починит, что хочешь. Да и в постели неплохой..ну, рассказывали, я-то сама не знаю..

– Я подумаю, – Яна зашла в кабинку и заперлась. Из-за двери донесся быстрый топоток, подружки спешили выбраться наружу. Детский сад. Или Дом-2, что, в принципе, одно и то же.

Яна уже год работала в компании, занимала непыльную должность рекламщицы. Суется, конечно, приходилось довольно много, постоянные звонки, договоры, переговоры и тому подобные движения, свойственные любой рекламной отрасли. Начальник отдела Андрей, усатый, как кот, был неплохим парнем, вторая рекламщица по имени Аня, женщина в возрасте, занимавшаяся продажами, в принципе, тоже к Яне не цеплялась, наоборот, они с ней довольно быстро нашли общий язык и уже несколько раз по пятницам «зависали» в кафешке, хорошенько накидываясь после работы. Однажды, после особо крепких коктейлей, Яна неожиданно выяснила, что Аня предпочитает девочек. К счастью, не на себе – Аня заявила, что Яна не в ее вкусе, и принялась усердно охмурять официантку. Но на отношении к Яне пристрастия рекламщицы не сказались – она по-прежнему считала коллегу кем-то вроде дочери и по-настоящему опекала ее. Тем более что на работе у Ани появился объект для вздыхания – главбуша Ольга, которая, по слухам, отвечала Ане взаимностью.

А вот Яне как раз не хватало родительской любви. Отец и мать восемь лет назад погибли в автокатастрофе, возвращаясь с моря. Их «минивэн» занесло на повороте сочинского серпантина, она рухнула на камни с высоченного обрыва, в один момент сделав сестру и брата круглыми сиротами. К относительному счастью, и у Егора, и у Яны тогда уже была работа, и они обеспечивали себя сами. Но, тем не менее, для них эта потеря стала страшным ударом. Егор как раз планировал завести семью и незадолго до трагедии съехал с квартиры. Конечно, он сразу предложил Яне пожить с ней, чтобы не оставлять сестренку одну. Но та отказалась, решив, что не вправе проявлять слабость и стать грузом на шее брата, который и так еле сводил концы с концами.

Привыкнув к одиночеству, Яна с головой погрузилась в работу. Сменив за несколько лет пару рабочих мест, она наконец нашла достаточно тихую и хлебную гавань в виде рекламного

отдела местной киносети. На объем работы она особо не жаловалась, старалась все успевать вовремя, ее начальник Андрюха это ценил, поэтому на еженедельных планерках всегда находил время замолвить за Яну словечко, чтобы та была у шефа на хорошем счету. Яна старалась оправдывать доверие, поэтому крайне редко опаздывала на работу, плановые показатели не роняла и выполняла любое поручение Андрюхи, говоря сухим бюрократическим языком, качественно и в срок. Служебные романы Андрея тоже не интересовали – они с молодой женой Верой планировали завести ребенка, поэтому без устали воплощали планы в жизнь, из-за чего сам Андрюха нередко опаздывал, вернее, задерживался – начальство как-никак...

Мысли Яны перебил стук двери. Она поспешно спустила воду и вышла из кабинки.

– Ян, слышишь, да? – с места в карьер, как будто они находились не в туалете, а в офисе, сказала «замша» Инна, которая красовалась перед зеркалом, поправляя прическу. – Сейчас идешь в подсобку, там костюмы для вечеринки привезли. Подбери себе что пострашнее.

– Чего это пострашнее? – удивленно ответила Яна. – Вот сейчас не поняла.

– Балбеска, Хэллоун же, – Инна подошла к раковине и намылила руки. – Надо, чтобы было страшно! Хотя с тобой вряд ли получится, красоту ничем не испортишь, слышишь, да?

– Значит, надо все лицо закрыть, – улыбнулась Яна.

– Ага, и руки тоже, вон какой маникюр клевый! Ладно, я тут присяду, с твоего разрешения, – и Инна зашла в кабинку. Яна подмигнула своему отражению в зеркале и вышла с твердым намерением выбрать себе самую крутую маску.

Она чуть не опоздала. В подсобке уже толпились коллеги и разбирали инвентарь – плащи, накидки, ну и, конечно, маски. В этом году шеф не поспешил и заказал качественные резиновые рожи – все как на подбор из фильмов ужасов. Кое-что сотрудники уже напялили, и теперь, злобно рыча или тяжело дыша, лезли к Яне, стараясь произвести впечатление.

– Детка, ложись поскорее в кроватку! – голосом Димаса прохрипел Фредди Крюгер, звякая ножами, прикрепленными в перчатке. – Я помогу тебе уснуть. Ну не сразу, конечно.

– Нет уж, сначала я ее обработаю! – прогудел Вовка-инженер из глубин маски Крика. – Какой твой любимый фильм ужасов?

– Мальчики, пусть сначала ее сожрет злая ведьма! – визгливо пропищала Катенок. На ней была здоровенная черная остроконечная шляпа, а к лицу прицеплен крючковатый бородавчатый нос.

– Слушайте, как клево! – восхитилась Яна и, протянув руку, взяла маску вампирши. Быстро натянув ее на лицо, она резко развернулась и вытянула руки с кроваво-красным маникюром на острых ногтях. – Чьей кровушки попробовать?

– Не раньше, чем я отведаю кусочек твоей печени, – на нее смотрела белая маска с решеткой, закрывающей отверстие для рта.

– С теплым кьянти! – хором подхватили остальные.

Человек в маске издал прихлебывающий звук, заставив Яну взвизгнуть.

– Что, страшно? – Ганнибал Лектер обнажил лицо, оказавшись Сергеем. – Значит, я еще на что-то гожусь!

– Шеф, вы, как всегда, неподражаемы! – воскликнул Толик, держащий в руках аж две маски, оборотня и зомби. – Образ каннибала вам очень к лицу!

– Сомнительный комплимент, – обронил Сергей, усмехнувшись. Яна не без злорадства заметила, как Толика перекосило от разочарования.

– Дай сюда, глянь! – зомби-рожу отнял Леха. – Куда тебе две? На задницу разве что натянуть...

Толик еще больше помрачнел, но маску отдал без вопросов, оборотня же побыстрее напялил себе на голову.

– Что такая серьезная? – Яна повернулась и вздрогнула. Такого портретного сходства от обычной маски она не ожидала. Джокер из «Темного рыцаря» был точь-в-точь как из фильма, с размазанными губами на исполосованном лице.

– Хочешь узнать, как я получил эти шрамы? – спросил Джокер. Яна только теперь догадалась, что в обличье злого клоуна находится букер Геша.

– Ну, скажи, красавчик, – прошипела она, проводя ногтем по лицу Джокера.

– Так, коллеги, стоп! – похлопал в ладоши, привлекая внимание, шеф. – Всем достались маски?

– Так точно! – выпалил Андрюха, он же Джейсон из «Пятницы,13», потрясая мачете.

– Вообще-то Джейсон не говорил, – ткнул его в спину зомби-Леха.

– Ага, а зомби у нас общительные очень, да?

– Сергей, мы готовы! – сказали практически хором бухгалтерша Наташа и ее начальница Ольга. Последняя была в образе молоденькой медсестрички, у которой неведомый злодей выкусил кусок щеки. Если принимать во внимание, что самой главбуше было за пятьдесят, образ, выбранный ей, производил скорее комический, чем пугающий эффект. Наташка же выбрала себе маску дьяволицы, в руке ее угрожающе сверкали вполне натуральные вилы. К сожалению, она была дорожной женщиной, поэтому из-за углов маски потешно торчали ее пухлые щеки.

– Вот и славно. Теперь оставляем образы за собой, придумываем своим персонажам представление, можно монолог о нелегкой судьбе, ну, и, конечно, тосты.

– Сергей, можно, я недолго побуду? – попросил Санек, держа в руках маску деревянной куклы из фильма «Пила». – Я Валу в кафе пригласил, она после работы заедет, и мы удалимся.

– Хорошо, Сань, но вообще не дело отрываться от коллектива, – заметил шеф.

– Вот-вот! – поддакнула Танюха, вождьленно глядя на Саньку и страстно облизывая губы, что не совсем шло ее облику, поскольку она выбрала себе имидж Девочки-из-Звонка: мертвецки-белое лицо с черными кругами вокруг глаз, длинные же черные волосы у Тани были свои.

– Но дело молодое, тем более праздник. Я не против. Придумай своей Вале пару загадок в духе своего персонажа. К примеру, куда делся ключ от наручников... – Сергей неожиданно подвигал бровями и ретировался из подсобки. Санек ошарашенно посмотрел ему вслед.

– А шеф-то всерьез настроен покуражиться, – сказал он.

– Что не может не радовать, – вставил Леха. – Интересно, а если я тебя укушу, ты станешь ходячим?

– Если ты меня укусишь, ты станешь лежачим, – показал ему кулак Санек, и оба захохотали.

Глава 8

Костян проснулся от Машкиного крика и поначалу не мог понять, где находится. Буквально секунду назад он сражался со здоровенным кашалотом, швыряя в него гарпун за гарпуном с борта лодки, крутящейся в пенных бурунах. И вот уже лежит в своей кровати, ощущая в ушах звон от пронзительного крика Машки.

– Маш, что опять? – он потряс жену на плечо. Она открыла глаза и несколько секунд смотрела на него с диким ужасом.

– О-о-о, – протянул он, – ясно. Сон, все тот же сон, проклятые сны, и тому подобное? Этак вы, гражданка, скоро станете совсем как этот старик из «Золотого тельца», как его..

– Хворобьев, – слабо подсказала Машка.

– Точно, Хворобьев. Мария Хворобьева, сновидица-экстремалка. Иосиф, Ванга и Мария Алексеевна Боровицкая, урожденная Ермолаева, а ныне Хворобьева.

– Вот ни разу не смешно, – Машка уткнулась в подушку и оттуда глухо сказала. – Дурак.

– Это сны у тебя дурацкие, – Костян залез к ней под подушку и начал целовать плечо, потом перешел к шее. – И как на этот раз я умер? Меня съел лев?

– Козел тебя съел, – проворчала Машка. – Такой же, как ты. М-м-м..

Это Костян дошел до маленького Машкиного смешно оттопырившегося ушка, которое начал легонько покусывать.

– Я живой, дурилка, – прошептал он. – Хочешь, докажу?

Доказательства заняли около получаса. После того, как Костян, усталый, откинулся на подушку, Машка сдернула с него одеяло.

– Пшел вон в ванную, – рявкнула она. – Мне тут вонючих мужиков не надо! Простыни чистые!

– Мне, что характерно, тоже не надо тут вонючих мужиков, – заметил Костян. – Дай поваляться-то чуть-чуть!

Машка хлопнула его по голому волосатому животу.

– Пошел, сказала! Обезьян.

– Я вот сейчас кому-то покажу обезьяна! – взревел Костян и, толкая перед собой Машку, побежал вместе с ней в ванную, шлепая босыми ногами по линолеуму.

– Эй ты, я вообще-то имела в виду тебя, мне можно было и поваляться! – протестующее кричала Машка, но Костян шлепками по голому задку загнал ее в ванную, открыл воду и сам встал вместе с ней под горячие струи. Он обожал эти утренние (да и вечерние) купания, чувствовать тело Машки в своих объятиях, гладить ее восхитительно гладкую белую кожу, которая и не думала увядать, хотя жене было уже сильно за сорок.

– Коть, – сказала Машка, уткнувшись ему носом в грудь.

– М? – ответил он, наслаждаясь моментом.

– Не умирай, ладно?

– Фу ты, мартышка, – Костян погладил ее волосы, уже чуть прибитые водяной струей, но еще торчащие после сна в разные стороны рыжими кольцами. – Да брось ты эти глупости.

– Ничего не глупости! Не может один и тот же сон сниться неделю подряд! Как я без тебя?

– Ну, так же, – попробовал пошутить Костян. – Только скучнее.

– Придунок, – она отвесила ему подзатыльник.

– Есть немного, – он провел руками по ее спине, она выгнулась и замурчала. Потом выпрямилась и треснула его по плечу.

– Так, без рук, моемся и на выход.

– Есть, мой капитан! – Костян отдал честь, а затем все равно не отказал себе в удовольствии поласкать ее груди, за что был вознагражден весьма болезненным тычком в живот.

Пока Машка плескалась, Костян успел поставить на огонь сковородку и уже кокнул в нее четыре яйца, покрошил зелень и щедро посолил. Когда она появилась в дверях кухни, закутанная в шелковый синий халатик, украшенный японскими иероглифами, Костян уже дорезал огурцы с помидорами.

– Помидоры резал частей на шесть, – процитировала Жванецкого жена.

– Чайник, чайник начал шипеть и подрагивать, – в тон ей ответил Костян. – Насыпь, кстати, кофе. Молоко осталось у нас?

– Вроде было, – Машка полезла в холодильник.

– Табуретку подставить? – проявил заботу Костян. – Мелочь пузатая.

– Я попросила бы! – гневно сказала жена, вынимая бутылку.

– А ты на что сейчас обиделась? На мелочь или пузатую?

– Я не толстая!

– Значит, мелочь прокатила?

– Ах, так! – Машка приложила запотевшую бутылку к распаренной спине мужа. Костян заорал от холода.

– Будешь знать, – голосом гладиатора, победившего на арене трех врагов и двух тигров, изрекла Машка.

– Буду, – покаянно сказал Костян, накладывая яичницу на тарелки. – Как проведем эти два выходных, чудесно выпавшие твоему мужу за задержание особо опасного преступника?

– Давай куда-нибудь поедем? На природу, например?

– А вечером? Может, в кино ходим?

– Давай. На последний сеанс. У тебя же еще завтра свободный день.

– Завтра можем к маме съездить. Она жаловалась, у нее уже в огороде сплошной бурьян вместо огурцов и морковки.

– Договорились, – Машка отправила в рот кусок яичницы и поморщилась. – Пересолил, красава!

– Потому что повар был влюблен! – он чмокнул жену в щеку.

– Настоящий повар не дает воли чувствам, запомни!

– А я не настоящий повар, я на полставки. Я завтраковый повар, вот что!

– Слышь ты, завтраковый повар, сейчас договоришься, будешь мужем на час.

– Ну седня на полчаса.. – Костян не успел вернуться и схлопотал щелбан.

Прихлебывая кофе, он принялся рассказывать жене о Жорике. Та ахала, крутила головой и время от времени приговаривала: «Офигеть!».

– Вот, значит, а теперь эта погань наверняка сидит в прекрасной больничке со всеми удобствами, строит из себя сумасшедшего, к которому нельзя применять обычные методы содержания убийц, представляешь? – кипятился Костян. – И ведь не тронут его. Обследования будет проходить, скотина. С особым комфортом.

– А если родственники возмутятся? – заметила Машка. – Они же могут больницу взять штурмом. Разорвут, как пить дать.

– Я думаю, вряд ли. Они еще не знают, шеф не давал команды сообщать, – Костян неаккуратно глотнул, заперхал, оросив стол коричневыми брызгами. Машка дала ему затрещину и, взяв тряпку, принялась вытирать клеенчатую скатерть.

– У нас люди, конечно, горячие, но не настолько. На Кавказе бы пошли на разборки, однозначно. А тут пошумят, может быть, немного. Мы же спокойные, как власти скажут, так и будет.

– Ты бы пошел? – от вопроса Машки Костян немного сбил свой пафос. – Вот если бы твоего ребенка нашли изнасилованного, с трусами во рту и сброшенного в канализационный люк? И ты бы знал, что тот, кто это сделал, сидит в психбольнице. Пошел бы?

– Так то я, – попробовал уклониться Костян, хотя знал, что пошел бы. Взял бы табельный пистолет и пошел. И наплевать, что будет. – Я представитель власти, мы должны соблюдать закон.

– Я думаю, что волнения будут, – мрачно заявила жена, – как только о том, что вы взяли Жорика, пронюхает пресса.

– Я ж говорю, нам приказано молчать, – ответил Костян. – Ну, вот я тебе только, да и Степаныч наверняка тоже Светке рассказал..

– Знает один – знает один, знает Светка – знают все, – философски заметила Машка.

– Будем надеяться, наше высокое начальство тоже понимает, чем грозит огласка, поэтому шумихи не будет. По крайней мере, пока, будет время подготовиться к внештатной ситуации.

– М-м, – неопределенно сказала Машка. – Что-то ты грузишь. Умный стал? Ладно, давай я со стола уберу, а ты одевайся иди, умник. Пойдем гулять.

– Маш, – сказал Костян, вставая из-за стола, – а я ему по шее все-таки вделал!

– Да ты просто страшный человек, – Машка намылила губку «Фэйри». – Гроза детей, старух и инвалидов.

– Поэтому ты меня и боишься, – вставил Костян и спасся в комнату. Полетевшая вслед губка попала ему по спине.

Глава 9

Жорик откинулся на подушку. Оказывается, от воспоминаний тоже можно устать. Он наговорил уже половину признаний в убийствах. Не рассказывал он только об одном убийстве. Собственно, и не собирался, о чем и предупреждал профессора. Никому этого знать не следовало.

В дверь постучали.

– Без деликатностей! – крикнул Жорик. – Заходите, я одет, – и он погромел наручниками. Силовайский вошел, протирая очки.

– Знаете, врожденная привычка стучать в закрытые двери, – заметил он.

– Интересно, а в туалет вы тоже стучите? – поинтересовался Жорик. – Только без обид. Доктор усмехнулся.

– В туалет я не стучу, по крайней мере, в свой, – сказал он. – Итак, Георгий, вы закончили?

– Нет еще, – ответил Жорик. – Но я стараюсь. Это же мне зачтется?

– Несомненно, несомненно, – кивнул Силовайский. – Может, у вас имеются какие-то просьбы? Вот только снять наручники не просите, на это я пойти не в силах.

– Одна есть. Мне же положен телефонный звонок?

– Вы хотите с кем-то поговорить?

– Да, и не спрашивайте с кем. Это вас не касается. Хотя вы же все равно можете отследить звонок. Сразу говорю, это личное, к моим профессиональным делам разговор не имеет никакого отношения. Я работаю один.

– Это я уже понял, – доктор сунул руку в карман халата и достал телефон. – Возьмите. У вас пять минут.

Он вышел, закрыл за собой дверь, прошел мимо телохранителя, читающего на стуле «Аргументы и факты», и направился в кабинет. Там он взял из настенного шкафчика несколько пузырьков, из которых, в свою очередь, вытряхнул на ладонь по две разноцветные капсулы. Зажав их в кулаке, он вернулся в палату. Жорик уже протягивал ему телефон.

– Номер я удалил, – кающимся тоном сказал он. – Не нужно вам это, правда. И тому человеку тоже лишние волнения ни к чему.

– Если это личное, то, боюсь, скоро ваше задержание станет достоянием общественности, и ваш знакомый или родственник так или иначе узнает об этом.

– Все может быть, – задумчиво сказал Жорик. – А что вы мне принесли?

Он указал на сжатый кулак профессора, который тот протягивал пациенту.

– Это то самое чудодейственное средство, превращающее таких страшных людей, как я, в нормальных членов общества? – с напускной серьезностью спросил Жорик. – Мне же нужно немедленно его принять!

– Обычные витамины, – ответил Силовайский. – Ультрабины вы будете принимать позже. Сегодня в семь вечера, если быть точным. Сначала – «плюс», потом «минус».

– Если не секрет, каково их действие?

– Ну... – доктор казался озадаченным. – Думаю, не ошибусь, если назову их эффект неожиданным.

– Для кого?

– Для меня в первую очередь. Видите ли, милейший Георгий Георгиевич, у каждого пациента реакция на ультрабины была разной.

– А летальные исходы были, любезный Василий Васильевич? – в тон ему спросил Жорик. Взгляд профессора стал немного рассеянным. Он посмотрел куда-то влево и вверх.

– На ранних этапах исследования препарата – были, не стану скрывать. Но несколько последних случаев нас обнадежили. Хотя и тогда нам пришлось понервничать. К примеру, с одним из испытуемых приключилась странная штука. Он впал в коматозное состояние и пребывал в нем больше недели. А потом проснулся как ни в чем ни бывало. Мозг не умер, сердце в порядке, но поначалу было полное ощущение, что испытуемый скончался. Думаю, и с вами все будет хорошо.

– И все-таки о действии – какое оно?

– Говоря обыденным языком, так, чтобы вы поняли, ультрабины-плюс сделают вашу агрессию неуправляемой. А «минус», соответственно, будут подавлять нейроны насилия в вашем мозгу.

– Зачем же нужны «плюсы»? – не мог взять в толк Жорик.

– Поднять вашу агрессивность, что называется, до потолка. Определить ее максимальный порог. Который будет нейтрализован, соответственно, «минусами», до самого конца. Вы станете более спокойно реагировать на несправедливость общества и отдельных людей, вам не захочется никого калечить или убивать.

– Что, серьезно? А как же я буду, извините, реагировать?

– Как и большинство нормальных людей – вас это будет возмущать, но не более того. Да, и открою вам маленький секрет. Микросхемы, содержащиеся в ультрабинах-минус, станут несколько агрессивно воздействовать на ваш организм в случае неоправданной агрессии. Говоря проще, когда вы решите сделать больно кому-то, то больно будет вам. Как удар током. Легкий, ничего опасного, но предупредительный. И чем больше вы будете испытывать агрессию, тем больнее будет вам.

– И это все? Просто будет бить током?

– Нет. Ультрабины-минус будут вызывать у вас невероятную жажду покаяния. Вам будет противна сама мысль о насилии.

– Просто прекрасно, доктор! А если на меня будут нападать, и я буду вынужден защищаться и применять насилие?

– Микросхемы очень умные, – покачал головой Силовайский. – Их разрабатывали не вы и не я, а профессионалы своего дела. Оправданная агрессия не будет сдерживаться ничем. Это очень сложная химическая дискуссия, я не готов ее вести, но прошу поверить – вреда от этих препаратов не будет. Особого вреда, конечно. Учитывая, что привело вас в наше заведение, будем это считать своего рода компенсацией за то, что вы натворили.

– Не судите, да не судимы будете! – Жорик зевнул. – Давайте ваши пилюльки. Мне поспать бы. А потом я продолжу радовать ваш архив увлекательными историями из своего прошлого.

Он запил витамины водой, закрыл глаза и через две минуты уже спал. Так, по крайней мере, подумал профессор, который на цыпочках вышел из палаты. Но Жорик не спал. В его мозгу просчитывались варианты возможного побега. Вариантов было немного. Но они были. И это успокаивало. Предстояло еще подумать, куда деваться в случае успеха. Просто прятаться Жорик не хотел, ему это было даже совестно. После того, как его лицо и имя были засвечены, продолжать свою врачебную миссию Жорик уже не мог. Но, главное, необходимо было спасти сестру от преследования со стороны журналистов и прочих любителей жареного. Конечно, придется над ней поработать, объяснить мотивы своих поступков. Как знать, может, она проникнется? Хотя подобный план в отношении Ангелины не сработал. Ладно, решил он, подумав об этом завтра. И убийца провалился в сон, как в прорубь.

Завтра, впрочем, было громко сказано. Жорик проснулся уже через час. Думая, с чего бы начать свой следующий рассказ, он как наяву увидел перед глазами одну картинку из жизни. Она была настолько яркой, что Жорик сразу стал говорить, как бы продолжая беседу, прерванную секунду назад...

Ему уже двадцать семь лет, он работает на «скорой помощи». За его плечами уже четыре жертвы, не считая собаки и алкаша Сашки – оба покойника были такими же сывками, как и первый, поэтому Жорик разделался с ними без жалости. Однако в последнее время Жорик как-то перестал думать о своей индивидуальности и особой предначертанности. Виной тому было, во-первых, переполнение его жизни жертвами. Впрочем, был в этом и плюс – глядя на случайно или намеренно покалеченных, на вспоротые животы, рассеченные руки и проломленные черепа, Жорик закалялся, что называется, черствел душой. В особенности если это касалось бытовых или семейных разборок. Если уж так отделяют друг друга (вернее, враг врага) по сути, ни за что – подумаешь, поцарапанное крыло любимой «тойоты» или даже отдавленная нога, – за что же тогда жалеть на самом деле виноватых?

Однажды Жорик принимал малыша, которого из злобы обварила соседка. Четырехлетний мальчиш нарушал ее дневной сон своими воплями, в зависимости от ситуации, то радостными, то горестными, и вот настала пора расплаты – соседка, улучив момент, когда растяпа-мамаша оставила дверь расхлебанной, забежала в их квартиру и окатила мелкого горячей водой из только что снятого с плиты чайника. Мальчишку спасли два случайных обстоятельства – вода была не крутым кипятком, хотя и весьма обжигающей, к тому же соседка, вбежав в комнату, наступила на одну из маленьких машинок, в изобилии парковавшихся на полу. Нога поехала, и львиная доля кипятка щедро оросила стену. Но пацану тоже здорово прилетело. На ор прилетела из кухни мамаша. Ей хватило ума не кинуться на разборки со здорово струхнувшей соседкой, она подхватила истошно вопящего малыша на руки и понеслась на улицу, к машине. Так что Жорик получил в свои руки вполне живого и не в меру горластого парня. Что потом сделала с незадачливой мстительницей мать-героиня, история умалчивает, по крайней мере, Жорик об этом не знал, однако многое из того, что мамаша обещала сделать с соседкой, он бы уж точно провернул не задумываясь. И вот этот случай намертво впечатал в его сознание простую вещь – если хочешь, чтобы добро победило, нужно стать добрым злом, чтобы покарать зло более страшное. Тогда-то правда и восторжествует. Потому что добро склонно прощать и забывать. А вещи вроде ошпаривания кипятком маленьких детей ни прощать, ни тем более забывать не следовало.

Преследовать соседку малыша Жорик не планировал, подумав, что с этим прекрасно разберется пышущая праведным гневом мать. Он вообще уже давно, с полгода, ничего особенного не планировал еще и потому, что был беспощадно влюблен. Объектом его страсти (к сожалению, молчаливой) была медсестричка из ожогового Полина. Облик девушки ничуть не напоминал о ее нежном, облачном имени. Полина была жгучей брюнеткой (Жорик знал, что она их специально подкрашивает, как бы стесняясь природного русого цвета) с изжелта-зелеными глазами, которые наливались изумрудным светом в моменты, когда она чему-то буйно радовалась. А вот веселил ее не Жорик, хотя ему этого очень хотелось. Веселили ее шоферы «скорой», Борька и Димон, бойкие на язык парни, шустрые и норовящие то и дело ухватить сестричку за зовущую аппетитную ягодицу. В эти моменты Жорик готов был поубивать всех шоферов в мире, но Полина, хоть и хихикала, но к себе никого из ребят не подпускала. И за это Жорик был ей благодарен.

Он все-таки нашел время сказать ей несколько неловких фраз в конце рабочего дня. На удивление длинноногая красотка поддержала разговор. И даже согласилась попить с Жориком кофе на следующее утро. Стоит ли говорить, что Жорик был на работе за десять минут до начала смены. Он жутко волновался, плеснул на стол водой, когда наливал ее в кружку Полине, а себе вместо обычных трех кусочков сахара положил шесть, и весь день мучился из-за противного липкого вкуса во рту. Но зато они вдоволь наговорились и пообещали друг другу пойти после работы в кафе.

Следующие полгода Жорик летал как на крыльях. Полина была воплощением его мечт, за сбычу которых он поднимал неприменный тост на каждом дне рождения немногочислен-

ной родни и еще меньшем количестве друзей. Ей было всего двадцать пять лет. Она снимала трешку вместе с двумя подружками, поэтому за ревнивого папашу или строгую мать можно было не беспокоиться. Она ловила каждое его слово, хохотала над каждой шуткой, даже самой незамысловатой. Она считала его очень умным, а он, чтобы поддерживать в ней эту уверенность, глотал по вечерам книгу за книгой и потом пересказывал ей содержание. Она ходила с ним на каждый фильм, какой бы он ни предлагал посмотреть в их центральном кинотеатре «МакСинема». Она не очень любила шопинг, и поэтому они после кино не таскались по многочисленным магазинам торгового центра, в котором располагался кинотеатр, а могли час проторчать на фудкорте за чашкой-другой кофе (Жорик) и клубничного коктейля (Полина). Они ходили в клубы, где девушка учила своего неловкого, как медведь, кавалера немудреным па какого-нибудь молодежного танца. Конечно, время от времени Жорик предлагал ей зайти к нему в гости, и она заходила, чтобы ровно без пятнадцати одиннадцать встать с кресла, в котором она, свернувшись клубком, только что безмятежно болтала, потянуться и сказать: «Ладно, мне пора, девчонки заждались, волнуются, наверное». «А ты скажи им, что осталась у меня», искушал ее Жорик, помогая, впрочем, одевать длиннополое ярко-красное пальто. «Да ну тебя!», коротко хохотнув, говорила Полина, набирая на телефоне номер такси, и ускользала. Так же, около одиннадцати, его спроваживала из «гостей» и сама подруга. Однажды Жорик, подчиняясь древнему мужскому инстинкту, притащил к ней несколько бутылок горячительного. Однако Полина его удивила и здесь. До одиннадцати они уговорили все четыре бутылки вина (а перед этим в качестве аперитива были еще две банки пива!), после чего, глядя на Жорика совершенно трезвыми глазами, зеленоглазая красотка похлопала по наручным часам и сказала: «Горшок свистит!», что еще из далекого детства было признаком того, что время вышло.

Тем не менее Жорик не унывал. Он был твердо уверен, что Полина таким образом бережет себя до свадьбы, о которой он уже заводил разговор. Подруга вроде была не против брака, хотя кто ж их, женщин, разберет! И не терял надежды, тем более, что им было хорошо. И все же как-то Жорику пришлось убедиться в том, что «хорошо» никогда не бывает долго, и уж совсем точно – не бывает навсегда.

Предвкушая очередное «кофейное утро», когда они с Полиной перед началом смены уже традиционно пили ароматный напиток с опять-таки традиционными эклерами из местной столовки, Жорик пришел на работу не за десять минут, а за полчаса. У него был сюрприз для невесты (Жорик уже давно про себя называл Полину именно так) – два билета на концерт ее любимой певицы. Проговаривая любимое словечко невесты, которое она применяла в таких ситуациях: «Вку-усненько!», Жорик зашел в небольшую кухню, которая находилась сразу за раздевалкой водителей, вынул из сумки эклеры и щелкнул кнопкой электрочайника. Он волновался – вдруг Полина не возьмет билеты или предложит вернуть деньги за один, а что, уже бывали такие эксцессы! Вдруг в соседней комнате что-то со стуком упало. Потом еще раз. И еще. Тут уже Жорик понял, что ничего не падало – просто в стену стучали чем-то деревянным. Стуки раздавались со странной ритмичностью, как будто неизвестный старатель нашел в стене клад и теперь, радуясь удаче, наносил по ней удары киркой. Еще и радостно вздыхая при этом.

По спине Жорика побежали мурашки. В раздевалке кто-то трахался! Да еще и с таким упоением! Было слышно, как стоны женщины, только что такие тихие и почти неслышные, набирали силу. Еще через пару секунд Жорик почувствовал, как его братишка начал крепчать. Стоны тем временем уже были практически криками. Жорик слышал, чтобы женщины кричали с таким наслаждением только в кино. Его собственные сексуальные опыты заканчивались в лучшем случае парой вскриков, в худшем – вздохов. Ясно было, что баба получает конкретный кайф. «Интересно, Димон или Борис», подумалось Жорику. Вот повезло парази-

там! Совсем молодые парни, чуть за двадцать, а везет им больше, чем ему с Полиной. Ничего, сейчас посмотрим, кто ржать будет.

Жорик подошел к двери и впрыгнул в нее с резким криком: «От оно че!»

И остолбенел.

На железной тахте, явно стащенной из одной из палат, в невероятно сексуальной позе изогнулась Полина. Сзади ее покрывал тощий Боря. Его здоровенные загорелые лапищи с выдающимися костяшками цепко держали ягодицы Полины, казавшиеся просто мраморными на фоне бурых ладоней Бориса. Медсестра держалась за спинку тахты, и, в момент, когда шофер погружался в ее пещерку резким толчком, спинка гулко бахала в стену. Одновременно с этим Полина исторгла из себя еще один невероятно эротичный стон. Парочка уставилась на распахнувшего дверь Жорика, а тот безмолвно смотрел на сцену из немецкого порно, представшую перед его глазами.

Наверное, они что-то пытались сказать, Жорик не знал. Он просто вышел, хрястнув дверью. На смену он, конечно, не пошел. Но поздним вечером, когда Полина на такси подъехала к своему дому, хлопнула дверцей и пошла к подъезду, он уже ждал ее. Не дав сказать ни слова, он вышел из тени дерева, росшего возле двери, и коротко рубанул девушку ребром ладони по гортани, после чего сунул кулаком в солнечное сплетение. Она задохнулась и вместо крика смогла издать только жалкое сипение. Жорик схватил ее за длинные волосы, намотал их на кулак и повел к своей «семерке». Полина, беспомощно перебирая ногами, плелась за ним, сипя и не делая попыток вырваться. Возле машины Жорик как следует двинул ей по затылку. То ли хрипнув, то ли хныкнув, она безвольным кулем упала в предусмотрительно опустошенный багажник. Захлопнув его, Жорик обошел машину, сел за руль и все так же, ни говоря ни слова, поехал за город.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.